

А. Шевцов

ВТОРАЯ
ВЕДОГОНЬ

Книга первая

СОКРОВЕННОЕ ТЕЛО

Прикладная культурно-историческая психология

Александр Шевцов

**Вторая Ведогонь. Книга
первая. Сокровенное тело**

«Издательство Роща»

2015

УДК 159.99
ББК 919.88

Шевцов А. А.

Вторая Ведогонь. Книга первая. Сокровенное тело /
А. А. Шевцов — «Издательство Роща», 2015 — (Прикладная
культурно-историческая психология)

ISBN 978-5-990-556-55-3

«Я несколько раз делал подступы к Ведогони. Первую книгу было написать просто – я прошел все упражнения, связанные с Первой Ведогонью, и раскрыл нужное видение мира еще до работы над ней. Но подступы ко Второй Ведогони долго мне не давались <...> Эту книгу я посвятил больше очищению от мировоззренческих суеверий, чем прикладной работе. Но это важнее всего для начинающего – пока ты не свободен, ты не в силах. Мой пример пусть будет наукой. А помещенные в Приложения отрывки из работ разных лет – примером того, что усилия должны быть своевременны». В этой книге автор опирается на знания, полученные им во время этнографических сборов у потомков офеней – мазыков.

УДК 159.99
ББК 919.88

ISBN 978-5-990-556-55-3

© Шевцов А. А., 2015
© Издательство Роща, 2015

Содержание

Часть первая	6
Введение	6
Глава 1. Быть как все или быть собой?	8
Глава 2. Выбор	9
Глава 3. В чем ошибка?	10
Глава 4. Сколько ты стоишь?	12
Глава 5. Найти виноватого	14
Глава 6. Начало жизни	16
Глава 7. Время начал	18
Глава 8. Крес	20
Глава 9. Ярость	22
Глава 10. Внутренний враг	25
Глава 11. Кипит наш разум	26
Глава 12. Переживания	28
Глава 13. Возмущение	30
Глава 14. Возмущение и сдержанность	32
Глава 15. Сдержанность	34
Глава 16. Тонкий состав	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Шевцов

Вторая Ведогонь. Книга первая. Сокровенное тело

© Издательство «Роща», оформление, 2015.

© А. Шевцов, 2015.

* * *

В книге использованы материалы исследования, проведенного в ноябре 2004 года. Основой для исследования послужили этнографические материалы о сне, собранные автором И. Скоморохом (А.А. Шевцовым) 1985-1991 годах у мазыков (этнические русские, потомки Владимирских офеней).

«Ведогонью называлась когда-то у славян наука и искусство использовать сны, хотя это очень узкое ее понимание. По большому счету, это путь или мировоззрение ведуна, путь знания, отличающийся от пути колдуна, который назывался Ерегонью».

Это первая часть науки, посвящена познанию себя и своей души через снотворение.

Часть первая

Введение

Мой путь прикладного психолога привел меня к осознанию нехватки научной теории в отношении внутренних движущих сил человека. Научная психология уделяла немало внимания теории мотивации и потребностей. Но даже потребности рассматривались по преимуществу как некие внешние воздействия. К примеру, идущие из тела. А древние, включая отца психологии Сократа, говорили о том, что в человеке есть источник собственного движения в душе.

Самодвижущийся источник не стал пока предметом научного интереса. Между тем прикладная работа психолога без таких понятий оказывается скудной и неуспешной. Нам трудно наблюдать подобные вещи напрямую – не хватает культуры самоосознавания. Но мы можем начать с наблюдения за тем, как управляем этим движением, рвущимся из глубины, сдерживая и обуздывая его.

Обуздание родилось как понятие, когда человек приручил коня. Конь древних мифологий – это не домашняя лошадь, которую мы знаем в кино. Это дикий, яростный зверь, обуздать которого могут только настоящие мужчины. И только потому, что чувствуют родство с этим сгустком огня. Мужчина – это не тот, у кого половые признаки мужского пола. Современность разрушила эту иллюзию взрывом гомосексуализма. Мужчина – это тот, в ком горит яростный огонь, такой же, как у дикого коня.

И когда в тебе огня больше, ты можешь победить жеребца, как бы огромен он ни был. Сильнее не тот, кто больше, а тот, кто яростнее. Но однажды ты исчерпываешь возможности мира, и неприрученных коней не остается. Кого покорять? Горные вершины, быстрые реки, водопады? Но и эти противники исчерпаемы. Нет смысла покорять все горы, которые можешь найти, если ты этому уже научился. Это надоедает. Даже покорять женщин однажды становится неинтересно.

Тогда ты открываешь для себя политику или предприятие. Предприятие – это еще та бешеная жеребица, пока ты не научился. Но и этому учатся.

Но есть соперник, который всегда с тобой и не уступит тебе ни в чем. Это твоя собственная природа, твоё естество. Это естество огненно и яростно. И обуздать его сложнее, чем необъезженного жеребца. Во многом потому, что мы склонны давать себе множественные поблажки, хотя это далеко не все, что мешает. Очевидно, мы приходим в этот мир не только за совершенствованием души или знаниями. Обуздание своего естества, похоже, одна из обязательных задач воплощения. Поэтому мы так плохо осознаем, что постоянно занимаемся самообузданием.

Однако взгляды. Вся наша жизнь проходит как постоянный урок обуздания, который дают нам окружающие люди. Общество состоит из необузданных людей, но устроено так, что необузданность одних направлена на необузданность других. В итоге необузданности гасят друг друга. А когда этого становится мало, мы гасим свой огонь тем, что швыряем его на горные вершины, водопады, моря, стройки века, революции, войны... Все, что может хорошенько «навернуть нам по морде», оценивается как достойный противник, а потому ценится и используется.

Но сила бушующего в нас огня столь велика, что нужно пройти сотни, если не тысячи войн, чтобы содрогнуться однажды при виде смерти. Тем не менее сила объединенного огня общества больше силы каждого отдельного человека. И общество медленно, но неизбежно ломает нас, чтобы научить сдерживаться. И мы становимся внешне сдержанными, убивая

в себе не огонь, а способность его использовать. В итоге мы теряем творчество и способности, а потом мечтаем их раскрывать. Но не раскрываем, потому что для этого надо выпустить огонь. Однако огонь не выпустить, пока он под коркой сдержанности.

Чтобы раскрыть себя, чтобы раскрыть свои действительные способности, необходимо иметь в полном распоряжении всю свою силу, весь Огонь. Чаще всего сдержанность оказывается ценнее, что значит, жизнь в обществе и само общество ценнее для нас нашей собственной божественности. Быть как все или быть собой?

Мы выбираем жить для них, а потому живем под коркой сдержанности. Но если у кого-то появляется желание овладеть своей подлинной природой, ему приходится отказаться от сдержанности, что равносильно смерти, поскольку общество сначала травит таких прометеев, а затем уничтожает. Человек без сдержанности в обществе не жилец.

Следовательно, сдержанность нельзя просто снять. Ее надо заменить обузданием. И чем ближе ты к своему Огню, тем важнее овладеть искусством обуздания.

Глава 1. Быть как все или быть собой?

Обуздание – истонная потребность любого общественного существа. Без обуздания общество невозможно, потому что без него мы лишь одиночки, неспособные быть вместе. До обуздания мы можем быть рядом, но не вместе. Необузданность хороша, когда ты один на один с дикой природой. Но даже самые сильные одиночки гибнут раньше срока, потому что им некому помочь. В обществе легче выжить даже слабым. Поэтому мы очень рано встаем перед выбором: личная сила или общество.

Отказ от яростной силы в пользу общества непроизвольно воспринимается как слом. Общество должно либо сломать сильную особь, либо отторгнуть. Общество – это Бог, обладающий огромным телом Левиафана, состоящим из наших тел и личностей. И как любой бог, оно требует, чтобы человек подчинился ему и служил. И если он не подчиняется, общество воспринимает такого человека равным себе. А равные должны уничтожаться. И оно уничтожает, если только ты не успеваешь сбежать.

Поэтому выживание требует подчиниться и предать собственную природу, поставив свой дух на колени. А душа не хочет этого и ищет пути, как сохранить огонь и силу. Так рождается отшельничество как бегство из общества, монастыри как создание особых сообществ и различные школы духовного поиска, позволяющие обществу примириться с твоей силой. Чтобы это получилось, необходимо убедить общество, что такие люди ему полезны. Например, в качестве жрецов или партийных вождей. В общем, личную силу надо сделать частью общественного устройства.

Далеко не все хотят служить обществу. Многие люди вполне самодостаточны и предпочитают заниматься собой или тем, что им по душе. Таким людям приходится совершать выбор: заявить во всеуслышание, что они идут своим путем, или тихо приспособиться, чтобы общество их не заметило. Особенно ярко этот выбор встает перед художниками. По крайней мере, на их примере мы видим его ярче.

В действительности, этот выбор одинаков для всех, кто не видит себя частью общественной машины или хотя бы одной из стай, делящих мир. Для человека стаи все просто: он служит, и он готов уничтожать инакомыслие. Для одиночки всегда стоит вопрос: сможет ли он выжить, если пойдет не путем стаи? И точно так же – сможет ли выжить его душа, если он сдастся?

По большому счету, это выбор из сказки, у камня на перепутье: направо пойдешь – коня потеряешь, налево пойдешь – живу не буди. Что-то будет уничтожено – либо тело, либо душа.

Путь не в стае, путь к себе – это всегда риск затравливания и уничтожения. Я знаю, о чем я говорю. Либо тебя заставят отказаться от своего пути и ты гибеши как художник, либо тебя уничтожат телесно. Зато ты проживеши по душе.

Если же ты оказываешься не дураком и притворяешься своим, ты проживеши долго, но твоя душа всегда будет знать, что ты предал свою Мечту.

Поверьте, это испытание выбором проходят все. Кроме тех, конечно, кто рождается человеком стаи. И у всех есть в глубинах сознания воспоминания о том, как принималось решение сломать себя и подчиниться. Или яркая память о том, как ты решил не оглядываться на общественное мнение и жить так, как это хочешь ты.

Это надо вспомнить и извлечь из памяти. Самое малое, вы обнаружите, что принимали свои решения тем разумом, которым обладали тогда. К тому же окажется, что на вас оказывалось давление со стороны всяческих обстоятельств и людей, но и они были только тогда. А сегодня все иное, все иначе.

И вы имеете право пересмотреть свой выбор исходя из новых обстоятельств и современного состояния своего разума, в надежде, что стали умней или мудрей.

Глава 2. Выбор

Что за выбор стоит перед нами в действительности? Точнее, что скрывается за выбором жить так, как все, то есть неприметно, и жить для себя, так что на тебя начинают обращать внимание?

Мы все любим внимание – оно очень ценится и даже живительно: ребенок, обделенный вниманием, развивается неполноценным. Будто он рос без любви. А часто это вообще одно и то же: без внимания, потому что без любви. Это подсказка.

Любовь нужна человеку, как солнце растениям. Жить как все – это жить в тени. Решиться жить так, как тебе хочется, – значит выйти из тени на свет и развиваться полноценно. Та часть общества, которая жила свободно, в старину так и называлась – светом. Выйти в свет себе позволяли лишь немногие. В действительности и тот «свет» был местом множества условностей, и там люди испытывали страшное давление общественного мнения. Вспомните хотя бы судьбу Пушкина.

Почему поэты и художники чаще других подвергаются гонениям и давлению общества? Именно потому, что они вышли из тени: они – общественные фигуры, и живут не просто свободными, а еще и собирая славу и внимание. Человека, ушедшего в лес, не преследуют, как бы он ни жил. Художники, актеры, поэты не хотят просто жить свободными, они хотят жить так, как им нравится, посреди общества, собирая внимание. А внимание это бывает весьма разнообразным. Но они изначально хотят именно этого. Поэтому не стоит спешить осуждать общество за то, что оно так жестоко обращается с поэтами: Восстал он против мнений света, Один, как прежде... и убит...

Есть множество менее ярких примеров, которые не стали достоянием общественного мнения. И там гораздо чаще встречаются примеры именно желания жить по душе, а не ради славы, к примеру. Более того, эти примеры можно найти настолько близко к себе, что можно будет понять, что двигало человеком и тогда, когда он пытался выйти из тени, и тогда, когда он решил спрятаться обратно. Вы вполне можете расспросить об этом своих друзей и близких. И вы можете поискать прямо в себе.

То, что было с вами, самое ценное, потому что оно изменило вас и вашу жизнь. И оно же причина того, что вы имеете сейчас. И если вы допускаете, что ваша жизнь может быть лучше, или хотите, чтобы она была лучше, это исследование стоит проделать.

Чтобы оно стало успешным, вначале надо накопить некий опыт. А затем вывести или выпахтать, как говорили мазыки, необходимые понятия. В этом очень помогут обсуждения случаев из жизни и воспоминаний. В ходе их важно найти, что лично у вас был сходный опыт. Это первое.

Затем чрезвычайно важно понять, что же было наказанием для смельчака, что именно заставило его спрятаться обратно в тень. И что заставляло высунуться, сделаться видимым.

А когда вы найдете, что заставляло высовываться, вы можете заглянуть в глубины сознания и поискать: исчезло ли оно? Или же продолжает жить, с ногой, стоящей на горле, и не умирает?

Тогда можно задаться вопросом: что было неверно в вашей попытке? Это и будет ваш выбор!

Глава 3. В чем ошибка?

Ошибки могут быть как у тех, кто решил жить так, как хочет, так и у тех, кто избрал прятаться в толпе. Но суть их одна – она в боли, которую приходится терпеть или переносить. Поэтому мы можем рассматривать оба состояния как две стадии одного и того же: тот, кто живет на виду, живет в состоянии первой стадии, то есть просто еще не спрятался. А тот, кто спрятался, живет после того, как высывался, получил и что-то понял.

И что же он понял?

Прежде всего то, что за желание жить по душе надо платить, и платят почему-то болью, которую приходится терпеть. И второе: спрятавшийся понимает, что не хочет ни платить, ни терпеть боль, что может звучать как: да не стоит оно того!

Что и чего не стоит?

Можно сказать, что та жизнь, о которой мечтал, не стоит тех мук, которые ради нее приходится переносить. Но это не совсем точный ответ, потому что мы не знаем точку отсчета, относительно которой оцениваются или измеряются муки. Если отказ от мечты означает, что надо отказаться от привычной жизни и пойти в Освенцим или Гулаг, то разница в боли будет настолько значительной, что лучше тогда помучаться, борясь с общественным мнением. А вот если на чаше весов жизнь по душе, за которую бьют, и тихое, спокойное и сытое житье в толпе, то для многих преимущества жизни на свету становятся сомнительными.

Тут же возникает вопрос: а счастье что? И приходят соблазнительные ответы: счастье – это когда понимают! И если найдется человек, который меня понимает, я ради него брошу свет. И буду жить только светом ее глаз. Или: счастье – это когда куча маленьких, радостных комочков жизни катаются по комнате с криками и смехом, а я на них люблюсь, дую на ушибы и утираю их слезы...

Даже это описание возможного счастья затягивает и может стать смыслом жизни надолго, на всю жизнь. Поэтому вопрос лишь в том, живешь ли ты при этом, как хотела твоя душа, или же это цена, за которую ты продал свою мечту. Заметьте: и тот человек, ради которого ты, якобы, предал самого себя, и маленькие живые комочки, в которых ты вкладываешь свою душу, могли быть при любом выборе. Более того, никто не застрахован от того, что и твой избранник, и твои дети однажды осудят тебя за предательство и отвернутся.

Предавший себя становится другой личностью – совсем не той, в которую влюблялись. Его характер меняется, и это нельзя не учитывать. Очень многие могут сказать про себя: я была такой порывистой, неистовой искательницей приключений, авантюристкой, романтиком или борцом за справедливость, а потом жизнь заставила измениться. И если это в вас есть, продолжите мысль и запишите: я превратилась в... И далее, не приукрашивая и не щадя себя, опишите, во что вы превратились.

А затем прочитайте это своим близким и попросите их высказаться беспощадно. И если при их словах нечто в вас начнет обижаться и выскочит нечто вроде: ну, не так уж я и плох! Или: ты несправедлив, ведь я это делал ради... – значит, вы нащупали свою двойственность. Вы нашли того, каким все еще помните себя, и того, каким стали. Это хорошо! Это значит, что ваша сокровенная часть все еще жива.

Более того, это значит, что, даже продавшись миру, вы все еще живете своим сокровенным человеком и за счет своего сокровенного человека. И если его окончательно предать, то жизнь станет невыносима.

Но при этом у вас раздвоение сознания: вы где-то в своей глубине знаете про себя нечто одно и оцениваете свои поступки исходя из этого. А снаружи люди знают другое и уже давно не связывают ваши поступки ни с чем душевным. Они вынуждены жить с той личностью, которой вы теперь являетесь по преимуществу. А это личность, заготовленная для общества.

Но с тех пор – и это очень важно понять, – как вы решили спрятаться в тени, стать таким, как все, общество вас потеряло, и вы остались внутри того окружения, с которым хотели жить по душе. Но живете с ними как с обществом. Они и есть ваше единственное общество. И потому ваш общественный мундир все больше становится вашей повседневной одеждой. В итоге вашего сокровенного человека видят все меньше и меньше...

Вы были готовы к такому, когда совершали свой выбор?

Если нет, то не стоит ли пересмотреть что-то в своей жизни? Например, цену, за которую вы продались, и выставить новую. Если уж продаетесь, то хотя бы за достойные условия существования!

Вот и оцените, в каких условиях вам хотелось жить. И если вы их не имеете, задумайтесь: стоило ли продаваться?

Глава 4. Сколько ты стоишь?

Думается мне, задать себе такой вопрос однажды просто необходимо. А если его еще и усилить вопросом, а за сколько продался? – то можно и жизнь поменять. В такой постановке вопроса есть только одна слабость: не все, за что мы продаемся, можно сосчитать. Поэтому его надо задать иначе: за что продался? И чувствуешь ли, что получил сполна?

После этого возникают новые вопросы. Чем пожертвовал? И что получил? То есть что на что променял? Как только в это удастся вчувствоваться, вспоминается сказка, в которой водяной царь, поймав купца за бороду, требует отдать то, что дома не знает. И тот отдает родившегося в его отсутствие сына.

Этот младенец, которым по незнанию жертвует герой, символичен и очень важен для внутренней работы. В сущности, он тот Золотой зародыш, из которого могло вырасти твое будущее и бессмертие. Именно его ты и продал, отказавшись от борьбы и предпочтя спокойную жизнь. Таким образом, когда ты взвешиваешь на весах судьбы то, чем мог стать, и то, как живешь сейчас, судить приходится относительно неизвестного. Мог стать, а мог и не стать. Причем последнее более чем вероятно, поскольку один раз уже не стал, к тому же с легкостью.

Следовательно, чтобы оценить потери, нужно не просто вспомнить то, о чем мечтал, но еще и сделать поправку с одной стороны на невежество, а с другой, на собственную готовность предавать. Она называется здравый смысл. Вот я задал вопрос: за что продался, вы вспомнили то прекрасное юное существо, перед которым были открыты все дороги: поглядели на то, что имеете сейчас, и запечалились: такое предательство! Но это неверный способ оценки. Вы мечтали и о том, чтобы научиться летать, посылать огненные шары из ладони или стать Мисс все-ленная. Однако это не значит, что у вас была такая возможность.

Если оценивать то, что вы имеете, относительно самых высоких своих мечтаний, то вы предали и потеряли очень много. Но вы внесите поправки на то, каким вы были в действительности, и вам сразу станет легче. Или совсем плохо. Потому что в действительности вы были тем, кто в лучшем случае заслуживает то, что имеет сейчас. А может статься, что имеет даже больше. С другой стороны, вы не знаете себя, а значит, не разглядите даже ангела, если он в вас был...

Искусство делать поправку на ветер, молодость, самовлюбленность и переоценку самого себя – это и есть здравый смысл. Пока мы молоды, наш разум проходит в своем развитии стадию магического мышления. Нам кажется, что образы нашего сознания соответствуют действительности просто по факту своего существования. Как говорил один хороший человек, моривший семью голодом: я же решил зарабатывать! А раз я решил, значит, я уже зарабатываю. И никак не мог понять, чего от него еще хотят.

Жизнь разбивает такое отношение к самому себе и своим возможностям в пыль. И ты, даже продолжая хвастать и мечтать, где-то в глубине души вынашиваешь действительную оценку самого себя. И даже изображая из себя героя, незаметно готовишь сдачу на самых выгодных для себя условиях. Чаще всего ищешь место, где кто-то возьмет на себя заботы, а тебя будет просто кормить, скажем, платя посредственную зарплату.

Но чтобы твоя запродажа в рабство не выглядела полным поражением, ты заранее готовишь спасительную ложь. И придумываешь либо оправдания этой работе, нечто вроде: зато я делаю то, о чем мечтал. Либо учишься плакаться и делать виноватыми тех, кто тебя, бедняжку, так обманул.

Вот это и есть твоя цена. Это и есть то, за что ты продался.

Поэтому, когда будете выполнять эту психологическую работу, необходимо увидеть, что жизнь состоит как бы из трех частей. Ее основной поток – это черта, соединяющая тебя настоя-

щего с твоими условиями жизни. И прими: жизнь удивительно справедлива – мы всегда имеем то, что хотели и заслужили. И плюс к этому возможность сражаться.

По эту сторону Черты остается твой здравый смысл. По ту – мечты. Черта же есть граница твоей настоящей жизни. На ней ты и умрешь, так ничего и не свершив.

Свершать можно, только шагнув за Черту. Это главная тайна жизни человеческой.

Глава 5. Найти виноватого

Если вам удастся пройти свою внутреннюю ревизию искренне, вы с очень большой вероятностью обнаружите неприятную картину: жизнь прошла мельче, чем вам рисовалось в юности. Вы прожили ниже собственной самооценки и всегда знали, что не дотягиваете до того, что изображаете. Как это говорится в разговорной речи: что ты из себя строишь!?

Это болезненное состояние – психологи описывают его мудреным выражением кризис самоидентификации. Впрочем, они пытались это состояние раскусить с самых разных сторон, поэтому литературы, посвященной таким сложностям, не счесть. Но она не имеет значения, поскольку не работает. Психология в этом деле помочь не может, потому что помочь можно, лишь если для вас существует душа. Рефлексов для решения такой задачки маловато...

Поэтому люди и не идут за помощью к психологам. Они решают подобные сложности сами. И существует целая культура того, как решать такие задачи. Одна из важнейших находок человечества, так сказать, вершинное его достижение – найти виноватого в своих неудачах. Причем, виноватым он должен быть не только в бедах, а просто в том, что ты не состоялся.

Подойдем к этому здраво: если с вами случаются беды, то очень возможно, что виноватый действительно есть. То есть живет какой-то человек, который намеренно делает вам пакости или пытается извести вас со свету. В действительности и в этом случае вопрос не однозначен, и очень возможно, что в происходящем есть доля и вашей вины.

Не в том смысле, что вы действительно навредили этому человеку и дали повод вам мстить. Но как-то тоньше, к примеру, были недостаточно осторожны, зная, что имеете дело с подлецом. Как говорят русские былины: богатый хвастается золотой казной, дурак – молодой женой, а умный – старой матушкой.

Последнего можно назвать мудрым. Были ли вы всегда достаточно мудры в своей жизни? Я лично не могу этим похвастаться...

Но сейчас речь о более простых и бытовых вещах, без врагов и без вредительства. Кого-то отец мало порол в детстве, и он из-за отца не усвоил какие-то правильные вещи. Другого недостаточно любила мать. Третьей всю жизнь заела сестра. Причем одной младшая, а другой – старшая. Учителя очень часто бывают плохими, из-за чего мы не получаем хороших знаний, не можем сразу поступить в институты, а потом вся жизнь идет наперекосяк.

Матери тоже очень часто знают, что их детишки сбились с пути из-за плохих дружков, да и сами детишки впоследствии объясняют свою несостоявшуюся жизнь тем, что связались с не той или плохой компанией. Даже просто не та компания, в сущности, означает не те интересы и не те пути. Так что в этом есть доля истины. Вопрос только в том, почему наши пути определяют наши компании?

Почему попадание не в ту компанию оказывается для нас судьбоносным? Почему это не просто еще одна проба или попытка, которая оказалась неточной, а значит, показала, где лежит неверный путь? Если вы вдумаетесь, то знание того, что вам нужно, лежит не на путях, а в вашей душе. Я уж не говорю про такие понятия, как Скума у мазыков. Просто у вас есть мечты, и это ваши мечты. Почему вас ведут по жизни не они, а пути и компании?

Вот теперь мы подобрались к очень важному вопросу, с которого может начаться работа над собой. Ты знал себя каким-то особенным, таким, как мечтал. Почему попадание в компанию могло отодвинуть мечту, и ты не просто использовал компанию для достижения мечты, а она, то есть компания, использовала тебя? Почему ты менялся так, как нужно твоей компании, а не искал сообщество для достижения своей мечты?

Ответ может быть только один: тебе были нужны именно те сообщества, в которых ты оказывался? И с ними ты достигал именно того, что тебе и было нужно. Это стоит принять и осознать. То есть превратить в знание о самом себе.

Возможное в данном случае упражнение из прикладной психологии заключается в том, чтобы вспомнить сейчас, лучше на бумаге, всех виноватых в том, как складывалась твоя жизнь. Вспомнить и записать их в той последовательности, в какой они появлялись в твоей жизни, как этапы твоего действительного пути. Для этого придется принять, что путей было два: один – Путь мечты, а второй – Путь жизни.

Ты мечтал об одном, а жил иначе. И жил ты так, чтобы оказаться там, где ты есть сегодня. И так, чтобы оказаться тем, кто ты есть сегодня. А виноватые привели тебя сюда.

Но надо обладать вполне определенной искусностью в поиске виноватых, чтобы попасть так точно. Ведь это место, что есть у тебя сегодня, очень точно соответствует тебе. Более того, и это самое главное: именно оно и есть то Основание, с которого ты начинаешь свою следующую битву за себя, свою жизнь и свое величие.

Осмыслите последнее, и вы поймете, что никакие скидки на то, что кто-то вмешался и все испортил, несущественны, поскольку главная битва вашей жизни впереди, и для нее вы заготовили именно то, что имеете. И может случиться, что ваш запас, с которым вы добрались до этого места и который вы оцениваете не очень высоко, – очень точно подобран для вашей Главной битвы.

Главные игры не сыграны... Но все, кто виноват в вашей жизни, сложились в лестницу достижения стартовой площадки. А значит, именно в них записаны условия вашей жизненной задачи. Ими нельзя пренебрегать, их надо понять, приложив к себе и к своим мечтам.

Глава 6. Начало жизни

Вот еще одно понятие, в котором человечество запуталось, как в двух деревьях! Одно из этих деревьев называется Началом, а второе – Концом жизни. И мы, похоже, не в силах вырваться из этой ловушки. А решаем мы эту загадку просто: сначала долго о ней не думаем, а потом вдруг становимся грустными и начинаем вздыхать по поводу жизни, которая подошла к Концу...

Да, Конец мы склонны замечать, и даже знаем, что он заполнен весьма определенными переживаниями, которые и составляют его содержание. Конец жизни – это время жалеть о безвозвратно утраченных возможностях. Откуда берутся эти возможности? Как кажется, из мудрости, накопленной с годами. Окидывая свою жизнь придирчивым взглядом, мы заново переоцениваем свои действия и выборы. И нам кажется, что, исходя из обретенных знаний о жизни, в то время стоило бы сделать иные выборы. И тогда...

И что тогда? Наверное, жизнь пошла бы иначе. Как? Наверное, лучше. И легче.

Задумайтесь: что является вершинной целью для подобных оценок? Ваше сегодняшнее состояние – вы же сегодняшней мудростью все пересматриваете! И вы ведь правы: сделай вы иные выборы в прошлом, вы бы гораздо легче достигли того, что имеете сегодня! И пришли бы к этому месту богаче и не потеряв многое, что потеряли.

А вот такая мысль вам не приходила: сделай вы иные выборы тогда, вы бы оказались в той же заднице, только иным путем?! Как говорится, от судьбы не убежишь. И соломку не подстелешь. Шишки и синяки – необходимая часть божественного замысла в отношении обучающегося разума. угадать, как пошла бы жизнь, соверши вы иные выборы, невозможно, хотя все могло быть гораздо хуже.

Поэтому к этой склонности пересматривать свою жизнь после вступления в пору Конца надо относиться как к подготовке к следующему воплощению. Так уже при этой жизни мы готовим себе Скуму, то есть Главную задачу, следующего воплощения. Да это и мудро: готовить почву для работы тогда, когда все еще под руками и живо в вашем сознании.

Однако это не значит, что все развивается правильно. Действительно ли были утрачены хоть какие-то возможности?

Полностью отрицать такую возможность было бы неразумно. Вероятно, мы теряем очень много возможностей за свою жизнь. Потому и возникает необходимость в Науке думать. Однако относится ли это ко всем выборам, что мы делаем? Действительно ли они неверны? Или же они вообще не зависят от наших предпочтений?

И это, кстати, возможно: пока ты состоишь из углов, в какую бы сторону ты ни избирал катиться, ты будешь биться углами о все неровности. Пока твоя душа несовершенна, ты можешь выбирать любые пути и сообщества, но душа твоя проявится именно так, как может, а в ответ получит именно то, что полагается.

А это значит, что, избери ты лучшее сообщество, как это кажется тебе теперь, ты бы не использовал его возможности лучше, а обгадил бы гораздо хуже! И, быть может, перекрыл бы себе пути к тому, что имеешь сейчас.

Лучшие выборы не в лучшую пору значительно ухудшают наши возможности вместо того чтобы их улучшать. Все должно случиться вовремя, но время это не временное – это лишь способ говорить о качествах наших душ, об их вызревании.

А если все так непросто с выборами и если все выборы, сделанные нами по жизни, были верными, хотя и не лучшими, то какой свободой мы обладали? Мы могли пойти влево, а не вправо. Мы могли свернуть в сторону или вернуться вспять. Но мы не могли подняться над жизнью, потому что были еще не готовы к переходу на иной уровень. Поэтому возможность

иною выбора всегда существовала для нас, но это были выборы внутри одного и того же уровня. В сущности, те же самые выборы.

А когда мы пересматриваем жизнь из времени Конца, мы не рассматриваем те одноуровневые выборы, мы подозреваем, что могли бы сделать выбор не в сторону, а вверх. Иными словами, нам кажется, что мы могли бы оказаться не в той компании, в которой оказались, а поехать учиться в университет. И видим в этом университете ворота в иную жизнь, к примеру, к деловым связям.

Нет, в университете ваша душа притянула бы вас к точно такой же компании. И вы бы обрели славу человека, с которым нельзя делать дела. Переход из подворотни в университет вовсе не обязательно переход в иной мир. Этот выбор еще не выбор, потому что он не заставляет измениться. Но вот когда душа уже созрела, не сделать такой выбор – значит упустить.

Поэтому исходная задача действительного искусства выборов – научиться видеть, когда ты готов для совершения выборов, а затем освоить искусство собирания силы для рывка, прыжка или шага за черту в неведомое.

И если вы впервые задумываетесь об этом, значит, вы только-только подошли к такому состоянию души, когда пора начать Новую жизнь, в которой вы учитесь, как не упускать возможности и делать выборы.

И это значит, что вы не в Конце. Вы в Начале жизни.

Жизнь обновляется, как Земля, каждый Новый год. И каждый раз, когда завершается один круг, вам кажется, что вы умираете, как кажется, что умирает природа осенью. Но это лишь узость видения. В действительности, вы вступаете в новое Начало. Вот исходя из него и надо пересмотреть те запасы, с которыми вы пришли к этому месту своей жизни.

Глава 7. Время начал

Мы вправе как угодно относиться к своей жизни. Мы можем относиться к ней сколь угодно плохо, к примеру, признав, что она уже прошла. И тогда все предшествующие мгновения, стремительно улетающие в прошлое, – это двери, которые были открыты лишь для тебя. А ты ими не воспользовался... Но это мгновение ничем не хуже любого другого. Это мгновение, которое свершается прямо сейчас, Дверь и Начало. Мы вправе позволить ему улететь вслед за остальными...

Человеку не просто бороться со временем. Он неплохо освоился с пространством и вещами, но понятие времени родилось позже, и до сих пор мы все еще не чувствуем себя с ним уверенно. Можно сказать, что в отношении времени человек очень похож на ньютоновские объекты, мчащиеся в безвоздушном пространстве механических взаимодействий. И если не произойдет столкновения с другим таким объектом, движение мое будет прямолинейно поступательным до бесконечности. Чтобы изменить направление движения, мне нужна точка опоры, от которой я мог бы оттолкнуться.

Вот так мы ощущаем себя во времени. Если нас не ударит чем-нибудь жизнь, мы не в силах изменить направление и своего движения во времени, и даже направление взгляда. В детстве мы смотрим только перед собой, в юности – вперед, а в старости – назад. Такое случается, похоже, даже с целыми народами, если верить теории этногенеза Льва Гумилева. Их срок жизни в пределах тысячи трехсот лет. И перед тем как умереть, они меняют направление взгляда.

Очевидно, это происходит так же, как у людей, несколько раз. Во всяком случае почти тысячу лет назад «Слово о полку Игореве» отметило такой слом тока жизни нашего народа: ныне времена ся наничь обратиша... Время вывернулось для Руси наничь к концу двенадцатого века, и уже через полвека она была поработана. Уничтожили ли татары прежнюю Русь? Бесспорно. После ига Руси больше не было, появилась Россия. И очень возможно, что это было временем рождения нового народа.

Иными словами, мы можем печалиться вместе с автором «Слова о погибели земли Русской» о том, что той России уж нет. А можем принять, что тогда в муках родился новый русский этнос. Вероятно, он прожил до двадцатого века и скоропостижно скончался в расцвете сил в восемьсот лет... Эмигранты, цвет русской нации, уезжая из страны, плакали, прощаясь с великой Белой империей. Их Россия умирала, и ее не могли спасти никакие героические деяния. Вместе с белыми уходила душа прежнего народа.

Но уже через полвека те же эмигранты за рубежом чувствовали, что если где-то и есть русский дух, так это только в России со всем ее коммунистическим мракобесием. И более того – там русский народ, и кто не с ним, тот больше не русский писатель! Нельзя расставаться с Родиной даже в ее минуты роковые. Уходя ты перестаешь быть ее сыном. Для писателя и даже философа это творческая смерть...

Россия мучалась новыми родами почти век, но родила и родилась. И мы можем очень сильно не любить новый русский народ. Но только он – Русь, и только его будущее будет у России. При этом все стало хуже, все испортилось и не соответствует нашим ожиданиям. О, эти удивительные ожидания! Мы ожидаем от будущего того, что видим, глядя в прошлое! И нет другого способа ожидать.

Вдумайтесь: мир такой, какой есть, и действительность такова – они не зависят от пожеланий человека, они просто являют себя ему. Когда ты попадаешь в совершенно незнакомую среду, например, в бурную реку или в туманную ночь, ты не ожидаешь, ты воспринимаешь. Это единственное, что действительно может помочь выжить в незнакомых условиях. Ожидания предполагают некие знания и предпочтения. Но ничто знакомое не может явиться из будущего.

Будущее нельзя предугадывать, его надо созерцать в его приближении и осмыслять, когда оно становится настоящим. Будущее всегда неведомо, потому что прямо завтра ты можешь погибнуть назло всем ожиданиям и надеждам. Надежды так же бесполезны, как и ожидания. Надо не надеяться, а добиваться, используя воспринятое и понятое. Будущее – это пространство, в котором невозможно мышление, где надо думать.

А что мы? Мы предпочитаем лететь в будущее спиной вперед, уповая на надежды и ожидания. А значит, пытаюсь в будущем найти островки того прошлого, о котором тоскуем. Это и есть время, обратившееся наничь. Это время – ты, летящий задом наперед до встречи с тем, что либо заставит тебя шевелиться, либо убьет...

Как обратить время в свою сторону и в свою пользу? Очевиден ответ: надо обратиться к нему лицом. Надо принять, что прошлое было прекрасно, хотя вам и казалось, что вы совершали ошибки и не использовали все свои возможности. Это чепуха! Вы добрались до того места, где услышали из случайной книги, хотя это могла быть телепередача или попутчик, что вы достигли места, начиная с которого открываются возможности. Этого достаточно.

Вы можете принять, что вы во Времени начал, и что вы подготовились наилучшим из всех возможных способов к этому испытанию. И неважно, где вас застала эта Весть – за штурвалом лайнера, в кресле генерального директора, возле плиты или в койке палаты реанимации. Это именно то время, когда можно начать Главную битву. Она у каждого своя и у всех разная. Единственное, что про нее можно сказать обобщающее: она потребует всех твоих сил. Именно столько, сколько у тебя есть.

Эта битва за обращение взора в будущее, в Новую жизнь, всегда битва за возрождение. Это великий обряд, который надо совершать каждый раз, когда осознал себя во времени Конца смотрящим вспять. Он сопоставим с тем, что проделывали все народы в древности:

«Но универсальное значение церемонии, равно как и значение каждого из составляющих ее элементов, вполне ясно: при расчленении времени и выделении его единицы, именуемой “годом”, мы присутствуем не только при действительном прекращении определенного временного интервала и начале нового интервала, но также при уничтожении прошедшего года и истекшего времени.

Таков смысл ритуальных очищений: это именно сгорание, уничтожение грехов и ошибок индивида и всей общины в целом, а не простое “очищение”. Возрождение, как указывает само название, является новым рождением» (Элиаде, Миф о вечном возвращении).

Феникс тоже сгорает, перед тем, как возродиться. Но миф о Фениксе придумали те же люди, что создали и обряды возрождения общины, и искусство второго рождения. Дважды рожденным становится тот, кто, когда приходит старость и взор обращается вспять, находит силы повернуться лицом к стремительно накатывающемуся будущему и сжечь все старье, чтобы позади не осталось никаких ожиданий и даже возможности для них.

Ты умираешь, если пытаешься сохранить старую жизнь, вместе с ней. И ты становишься бессмертным, если в тебе нечему умирать.

Глава 8. Крес

Элиаде, со свойственной ему прозорливостью, подметил, что возрождение мира, община ли подразумевается или все место нашего вселения, то есть Вселенная, происходит как очищение с помощью огня: это именно сгорание, уничтожение грехов и ошибок индивида и всей общины в целом. Русский язык с удивительной бережливостью донес до нас имя этого огня воскресения – крес.

Крес – это живой огонь, который русские крестьяне вытирали из дерева, когда нужно было очистить деревню от морового поветрия, к примеру. Или когда надо было развести праздничный костер. Точно так же во время переходов, когда гасили все состарившиеся огни в очагах, вытирали живой огонь и разносили его от очага к очагу, чтобы началась новая жизнь.

Если вы хотите обратиться в будущее, если вы хотите начать новую жизнь и стать дваждырожденным, придется добыть крес и скормить ему все старье, от которого избавляются в канун нового года или нового мира. Это так же просто, как забыть прежнюю жизнь после воплощения. Мы все множество раз это проделывали, поэтому у нас есть опыт. Просто осознайте, что вы не просто не помните прежние жизни, но они на вас и не оказывают влияния, и у вас все получится.

На самом деле прошлые жизни вполне доступны для восстановления, хотя его вряд ли можно назвать воспоминанием. Скорее, на платоновский лад, припоминанием, анамнезисом – то есть неким умственным действием, когда ты, глядя на то, что происходит с тобой в жизни, делаешь предположения, что у этого не может не быть причины. И поскольку ты не находишь ее в своей памяти, остается лишь предположить, что она приходит к тебе из жизни прошлой. Памяти нет, а причины наведываются...

Но как раз такие припоминания не есть предмет очищения при обращении вперед. Сжечь надо не то, что живет в душе, а то, что мешает душе жить. Это как раз то, что ты не просто можешь припомнить, а то, что заставляет тебя переживать по поводу себя. А значит, приковывает к себе твое внимание. Но живет-то оно в твоей памяти – значит, в твоём прошлом, и потому ты не можешь смотреть вперед, пока смотришь в эту память.

У каждого человека должен однажды настать миг, когда он настолько свободен от долгов, что может шагнуть в свое будущее. Это все равно, что перейти в следующий класс. И почему бы этому мигу не быть тем, в котором ты застал себя сейчас?!

Мазыки называли эту работу по очищению своего сознания от всего мусора, что принесла в него река жизни, кресением. И уподобляли его сжиганию соломы, которую бросают скотине на подстилки в хлеву. Эта солома вбирает в себя всю грязь, которая сопутствует жизни, и потому очень полезна при очищении. Кресение помогает очистить сознание от всего, чему ты не являешься хозяином, то есть от того, что не создано твоим разумом в осознанном состоянии.

О том, как делается кресение, я уже много рассказывал в других книгах и потому опущу подробности. Суть проста: у всего в нашем сознании есть история, а у всех сложностей жизни – причина. Ее можно найти и устранить. Вот и все. Для этого существуют различные приемы. Но самое необходимое – это горячее желание.

Сейчас мне важнее само состояние, которое должно быть при кресении. Именно оно скрывается за словами «горячее желание». Ничто не может быть горячим без огня того или иного вида. Вот и это желание, с которым приступают к кресению, должно быть как огонь. Как этого достичь?

Самый простой ответ – надо очень хотеть. Если вы будете очень хотеть чего-то, огонь разгорится сам. Это закон. Огонь проявляется в человеке в разных видах. Он может быть яростным, гневным, злобным, может быть огнем любви, зависти, страсти, желания, сердечности,

самопожертвования. У всех этих видов огня исходно, вероятно, единая природа. Человечество никогда не было в этом уверено, даже в мифологические времена, подозревая наличие очень разных огней.

И солнце, и молния, и костер на земле считались огнями. Был и подземный, черный огонь. Можем ли мы сегодня считать электрический разряд одной природы со страстным желанием, к примеру? В общем, ответ не однозначен.

Тот огонь, который очищает сознание, давая вторую жизнь, определенно родственен деревянному огню, раз его можно вытереть из дерева. Но он совсем не такой, как огонь в печи, потому что огонь очага варит пищу и может сжечь дом, но он не очищает. А через крес прыгали, чтобы выжечь им свое сознание и защититься от эпидемий и прочих зараз.

Допустим, что это лишь внутренняя установка, способ видеть или говорить об огне. Однако предки наши именно так видели эти огни, в этом и суть. И насмешки над их суевериями не есть ответ – это лишь способ не видеть, способ отвести себе глаза. Конечно, исходное предположение, что оба огня совершенно одинаковы, может быть и верным. Но он всего лишь отвращает тебя от исследования. Так сказать, дает индульгенцию, чтобы ты спал спокойно.

А если огни действительно могут быть разными? Естествознание пока еще не более чем самогипноз. В действительности, физика огня до сих пор находится в зачаточном состоянии. И я допускаю, что без смелых гипотез она и не родится. И уж если современная физическая наука пришла к допущению, что присутствие наблюдателя может оказывать воздействие на ход эксперимента, почему не допустить, что мысль человеческая может оказывать воздействие на огонь?

Причем как менять его свойства, так и вызывать некие иные состояния, обычно скрытые. Мазыки, которые считали себя огнепоклонниками, думали, что огонь вообще сложносоставное явление. В нем есть жар, и есть пламя, которое само по себе холодно и даже может быть средством перемещения по миру от огня к огню... Мифология, конечно. Но при этом они могли делать удивительные вещи, в том числе и с огнем. Наверное, чтобы расстроить ученых...

Сейчас мне важно лишь одно: вы всегда можете найти причину того, что вам мешает в жизни. Она однажды вошла в ваше сознание и там прижилась. А поскольку ваше осознавание в тот миг было ослаблено, разум не отличает эти помехи от собственных образов. Соответственно, он их исполняет, как и все остальные образы, превращая вас в сумасшедшего. Это неприятно и как-то огорчает. Но вы же жили с этим. Значит, жить можно и так. И до тех пор пока вы относитесь к помехам и истории, живущим в вашем сознании, таким образом, ничто не уходит, даже если вы докопались до самых корней.

Необходимо возмутиться, необходимо наполниться ратного духа, как говорили наши предки. А ратный дух – это ярость. Ярость – это еще один вид огня, живущий в человеке. Солнечное сплетение в старину считалось местом его обитания и называлось ярлом. Когда нечто становится для вас невыносимо, из вас начинает брызгать ярость, и тогда вы обретаєте силу не только сражаться с внешними врагами, но и переходить в особые состояния сознания.

Вот это и необходимо, чтобы кресение получилось. Вы должны быть яростны, когда сражаетесь даже с самим собой или со своей личностью. Тогда вы выжигаете из своего сознания то, что вам мешает. Огонь, способный выжигать содержания сознания и назывался кресом. Он – продолжение ярости, направленной на внутреннего врага, начиная от дурных привычек или слабостей и кончая болезнями. Вы запросто можете с помощью ярости собрать силы, чтобы кресом выжечь болезнь не только из своего сознания, но и из тела.

Ярость определенно требует искусства обуздания. Но это не единственный огонь, который вы можете найти в себе.

Глава 9. Ярость

Конечно, когда мы говорим о некоем внутреннем огне, мы используем своеобразное ино-сказание. И даже несмотря на случаи самовозгорания, случавшиеся в истории, все же огонь в привычном, бытовом значении возникает после того, как возгорание случилось. Но если мы вслед за мазыками разделим огонь на жар и пламя, то обнаружим, что способностью разогреться, раскалиться без пламени люди обладают.

Иными словами, если внутренний огонь, бушующий в человеке и требующий обуздания, и не всегда обладает всеми признаками огня, все же часть этих признаков имеется. И это подводит нас к закономерному вопросу: а каковы признаки огня, и что такое огонь вообще? Знаем ли мы это? А если не знаем, то что считать главным и по чему судить о том, является ли огнем встреченное нами явление?

Что можно утверждать определенно про наши знания об огне, так это то, что они значительно уменьшились с древности. Мы, конечно, предполагаем, что наука, то есть физика, знает теперь об огне гораздо больше, чем знали древние. Но это допущение делается нами не на основе знаний, а по общему договору считать, что наука знает все и все знает лучше. Мы, так сказать, сдались науке и даже не рискуем иметь собственное знание и свое мнение о том, что наука присвоила себе как свои предметы.

Я действительно не знаю, что знает об огне наука. Но сомневаюсь, что физика огня такая уж продвинутая дисциплина. Иначе о ней кричали бы. Огонь рассматривается как вид плазмы, но это всего лишь еще одно важное слово, которое ничего не объясняет, ставя новые вопросы. Например, что такое плазма? А плазма – это ионизированный газ, то есть газ, в котором атомы лишаются электронных оболочек, а то и распадаются...

Вы так видите огонь, когда смотрите на пламя костра? Нет, для нас с вами огонь – это то, что загорается под чайником, когда мы поворачиваем ручку газовой плиты. В этом смысле мы похожи на дикарей, которые научились включать свет на входе упавшего космического корабля: здесь нажмешь – и оно загорится. Вот только дикари знали об огне гораздо больше, поскольку он был тем, что спасало их от смерти и убивало.

Огонь ушел из нашей жизни, и с ним ушли знания и наблюдения, собранные многими поколениями. И не забывайте, что русское `огнь` живет у нас со времен индоевропейского единства и звучит почти так же в санскрите, латыни, и других языка. Это значит, что он не только долго развивался как понятие в общей среде, но еще и тысячелетиями обогащался наблюдениями других народов, до того как мы все разошлись.

Тысячи лет наблюдений за тем, что жизненно важно! Это стоит уважать.

Поэтому, когда наши предки отмечают в чем-то черты огненности, я склонен доверять их видению и принимать, что их понятие об огне было шире и выделяло в нем такие качества или свойства, которые мы теперь с огнем не связываем.

Да и это древнее понятие, что огонь существует в трех лицах – как солнце на небесах, молния в поднебесье и костер на земле, – тоже требует расширения понятия. К примеру, в «Слове о Полку Игореве» говорится: идут синие молнии. Это что – синий огонь? А что это?

Что могло связать огонь с теми «внутренними» состояниями, которые человек наблюдает в себе? Вглядимся в это на примере понятия «ярость» и соответствующих ему «яр», «ярый», «яриться», «яркий» и так далее. Начну с того, что этимологи признают это слово общеславянским, тем самым признавая подходящими все славянские примеры.

Очевидно, ключевым значением надо в данном случае считать «яркий», оно прямо связывает ярость с солнцем. И, кстати, добавляет, еще одно свойство в описание огня – яркость, кроме жара и пламени. Что такое яркость? Не в общем, а относительно ее источника, которым,

скорее всего было солнце? По мере разбора мы выявим те черты ярости, которые свяжут ее с человеческой природой.

Этимологический словарь Г. Цыганенко дает некоторые подсказки:

«Ярый “полный ярости, бешенства, чрезмерный в своих проявлениях, неистовый” (1); “светлый, сверкающий”».

Светлый, сверкающий – это, в первую очередь, описание солнца. Солнышко для русского человека светлое. Сверкание – это уже молнии. И кстати, ни то, ни другое, не подходит к костру или газовой горелке. Разве что, когда смотришь на них очень издали.

Историко-этимологический словарь П. Черныха дает вполне определенную подсказку, связывающую яркость с солнцем:

«Яркий, – “ослепительно блестящий”, “сияющий”, “лучезарный”».

Лучезарность – это, в первую очередь, свойство солнца. Хоть любой огонь и испускает лучи, да не лучезарен. Загадку ярости в человеке надо искать в жизни солнца и в жизни человека с солнцем. Настоящий человек должен светиться!

Этимологический словарь А. Семенова дает еще подсказку, так же вводя еще одно свойство огня, которое мы упустили:

«Ярость. Древнерусское – ярѣ, ярость (гнев).

Общеславянское – jarъ (ярость).

Индоевропейское – ieros (пылкий, порывистый, стремительный).

В древнерусском языке слово широко употребляется примерно с середины XI в. и означает “гнев”, “досада”.

Общеславянское слово имеет индоевропейский корень ia- “быть возбужденным, раздраженным”. В свою очередь, этот корень представлен древнеиндийским yatar – “мститель, преследователь”».

Огонь пылкий и порывистый. Я не знаю, можно ли считать порывистость его качеством, возможно, это всего лишь наблюдение проявлений огня в воздушной среде. Но вот пылкость – это не просто свойство, это составная часть огня, сопоставимая с жаром: с пылу, с жару. Огонь пылает и еще полыхает. При этом полыханье явно связано с пламенем, а пыл – с жаром. Мы определенно начинаем разворачивать понятие на его составные части, как они уложены в нашем языке.

Как пылкость может быть приложима к человеку? На поверхностном уровне явно через поведение, человек по внешнему виду своих телодвижений воспринимается похожим на мечущийся язык пламени, верно? Однако это описание порывистости, если вдуматься. Пыл должен быть связан с жаром. А жар никак не связан с языками пламени, он не свойство пламени.

Либо наши предки были очень глупы в своих наблюдениях, а потому противоречивы, либо они видели пыл не во внешних движениях человека. Я склонен уважать их опыт. Значит, пылкость является описанием какого-то другого свойства человеческой природы, которое может быть выявлено лишь при гораздо более длительном наблюдении, чем порывистость. Например, как способность легко браться за любые дела и гореть ими...

Как видите, даже описывая подобные состояния, мы невольно переходим на язык огня и горения. Горение выводит нас еще на одно понятие или качество огня, переходящее и к человеку – горячность и вообще способность быть горячим. Фасмер отмечает такие значения для многих славянских языков – от сербохорватского до украинского. Яриться – это горячиться. Но горячий это не только тот, кто торопится, но и тот, кто жжется.

Горячий явно связано с гореть, но относится, похоже, к свойствам жара. Но жар существует для нас и в виде жары, а это снова возвращает нас не к земному огню, а к солнцу. Ярость должна быть проявлением в человеке солнечного огня, даже если она и превращается в гнев. Как это возможно?

Если мы вспомним, чему посвящена «Илиада», то обнаружится, что это не песнь о разрушении Трои: Гнев, богиня, воспой, Ахиллеса, Пелеева сына... Илиада, величайший эпос человечества, есть песнь гневу. И не просто гневу, а гневу солнечного бога Аполлона, проявляющемуся сквозь человека. Надо полагать, «Махабхарата» и «Рамаяна» во многом имели сходные побудительные источники.

Люди осмыслили и гнев и ярость в связи с тем, что обеспечивало их жизнь и убивало их. И солнце было важнейшим предметом человеческой мысли, особенно когда оно было Богом. Поэтому мы находим в этимологических словарях вот такие связки понятий:

«сербо-хорв. Јаркѣ – “жаркий”, “горячий”, “огненный”, “лучезарный”; словен. Jarek – “сверкающий”, “блестящий”. Сравни также чеш. Jaro – “весна”, прил. jarní – “весенний”, jary – “бодрый”, “жизнерадостный”» (Черных).

Эти понятийные связки, несущие столь разные смыслы, свидетельствуют о большой древности слова. И потому стоит заглянуть в самые его истоки:

«Древнее славянское слово. Представляет собой полную форму с окончанием – ый от первоначального краткого прилагательного jaгъ> яръ, “весенний”, “сияющий, ясный” и т. п.

*Праславянское прилагательное *jaгъ происходит от индоевропейской основы *jör (jer-) “год”... Поскольку в древности год начинался весной, это слово получило значение “весна”» (Цыганенко).*

И далее Цыганенко пытается объяснить, как же все это стало способом описывать внутренне состояние человека:

«Наряду с этим у слова ярый возникли два направления в развитии переносного значения. Одно из них выражает внешние признаки предмета: “весенний”> “солнечный”> “сияющий”> “ясный”, отсюда прилагательные ярок, яркий... “ослепительный” (о свете), “свежий и чистый по тону, бросающийся в глаза” (о цвете); другое – внутреннее состояние предмета: “весенний”> “теплый”> “горячий”> “возбужденный”> “увлеченный”> “смелый” и “гневный”, отсюда ярый “полный гнева, озлобления, страсти, силы и т.п.”».

Объяснения Черных показывают некую историю развития понятия, но, если честно, совершенно не объясняют, как эти внешние признаки огня вдруг ушли внутрь и стали применяться для описания состояний человека. И даже как из теплый и горячий рождается вдруг значения смелый и гневный. Даже увлеченный никак не объясняется солнечным происхождением того огня, что называется яростью.

Боюсь, тут нужно не языковедческое, а психологическое исследование

Глава 10. Внутренний враг

Ярость безусловно понимается русским языком как некая огненность человеческой природы. Однако это не единственный вид огня, который мы можем обнаружить в себе. Когда человек сгорает на работе, это не ярость, это скорее преданность делу. И когда он весь лучится от счастья, что-то должно испускать эти лучи. Даже душевное тепло не может не иметь источника, какой-то огонек должен теплиться в душе. Хоть свечка...

Очевидно, что не все виды огня, которые мы можем обнаружить в себе, нуждаются в обуздании, что позволяет сузить поиск. Нас интересует то, что мы обычно сдерживаем, когда оно рвется наружу. А сдерживаем мы только то, что делает нас уязвимым. Очевидно, что многие чувства тоже попадают под это понятие. Их так же принято скрывать. Например, зависть. Но это не значит, что их природа огненна. Поэтому сдерживание не является обязательным признаком огня.

Основным способом найти огонь в себе остается язык. Но с психологической точки зрения, язык – всего лишь отложившиеся в опыте долгие наблюдения народа. Поэтому, опираясь на подсказки языка, придется учиться видеть, обретая мастерство наблюдения.

Что же мы видим, когда заглядываем в себя в поисках огня? Мы обнаруживаем, что во множестве разных случаев из нас рвется нечто, что мы сразу распознаем как желанное, но очень нежелательное. Вот такой парадокс. Когда видишь перед собой негодяя, да еще наглого, так и подмывает врезать ему по морде, ну, хотя бы сказать прямо и откровенно, что о нем думаешь, однако благоразумие заставляет сдерживаться.

Вот эта двойственность в себе и есть главный предмет поиска. Природа её непроста, как это сходу можно разглядеть. Но в её понимание стоит вложиться, потому что именно здесь мы теряем львиную долю своих жизненных сил, тратя их на то, чтобы удерживать их же порыв. Иначе говоря, мы собственной жизненной силой сдерживаем свою же жизненную силу и несем колоссальные потери.

Поэтому прикладная работа должна начинаться с создания Списка всех видов подобных содержаний сознания. Это, конечно, труд, но труд этот сопоставим с отладкой хорошего предприятия, которое перестало приносить прибыль, или с машиной, которая ревет, но не едет.

Этот Список стоит сделать. Сначала легко набросав на лист бумаги все, что приходит на ум. А затем выбрав из него главное, с чем обязательно надо разобраться. Так сказать, главные помехи вашей жизни, съедающие больше всего сил. Причем выбрать надо именно такие постоянные проявления, которые вы отчетливо ощущаете тем, что может испортить всю вашу жизнь безвозвратно. Например, вспыльчивость, которая может заставить вас избить человека и сесть в тюрьму или высказать ему такие вещи, которые его обидят навсегда и поведут к большим потерям.

Все это надо найти и поставить себе задачу избавиться от них, как от слабости или порока. Если такое решение удастся принять, то разобраться с тем, как это устроено и работает, сразу станет легче.

Глава 11. Кипит наш разум

Чтобы победить внутреннего врага, его надо очень хорошо видеть и понимать. Впрочем, это не лишнее с любыми противниками. Противники бывают разными – мы ищем тех, с которыми можно справиться сдержанностью, подозревая, что в их природе есть то, что доступно обузданию.

Чтобы отсечь лишнее, необходимо сразу оговориться: в сознании человека есть немало такого, к чему сдержанность неприменима. Например, инородные вкрапления, проявления которых обычно называют сумасшествиями. Я имею в виду не психические заболевания, среди которых, кстати, нет такого, что медицина назвала бы сумасшествием. Сумасшествие – это бытовое разговорное выражение, которым народ обозначает любые повторяющиеся странности в поведении человека.

Клинического идиота или кретина русский язык сумасшедшим не назовет не потому, что этот человек психически не болен. А потому, что он всегда такой. Поэтому он либо урод, либо больной, либо несчастный, но он не сумасшедший. Сумасшествие – это не просто болезнь: это внезапное и необъяснимое изменение поведения, к тому же делающее человека неуправляемым. Такое изменение поведения отмечается словами: как подменили человека – если он безопасен. Если же измененное поведение тревожит окружающих, они говорят: как с ума сошел. Таким образом, сумасшествие – это опасная разновидность подмены человека. Иное имя для нее – не в себе.

Очевидно, что в этих речевых выражениях просматривается описание некоего явления, которое зоркий взгляд русского человека рассмотрел внутри самого себя. Подмена, которая выражается в смене поведения, в действительности является сменой личности. Та личность, которую ты знал, куда-то ушла и находится вне знакомого тела. Поскольку мы постоянно путаем, что считать человеком – знакомое тело или его наполнение, – мы и говорим: не в себе. Подразумевая, что в этом теле нет прежнего человека.

Но когда мы начинаем вглядываться в то, что осталось, то мы понимаем, что сумасшедший стал как другой человек. И тогда мы замечаем, что у него «другой ум», не такой, какой мы знали. С прежнего он ушел, либо прежний ум ушел вместе с прежним человеком.

В моем описании это звучит как полная потеря прежнего. Но как раз полные потери былого ума и не являются сейчас для меня важными. Это действительно психиатрический случай, с которым сам человек не справится, поскольку его действительно нет. Справляться некому.

Я говорю о тех отклонениях от обычного способа думать и вести себя, про которые можно сказать: меня как понесло. Или: не знаю, что на меня нашло. Это довольно частое явление, когда мы на какое-то время теряем осознание и не управляем собой. А очнувшись, жалеем о сделанном или сказанном. Такие потери себя тоже являются своеобразными сумасшествиями, поскольку мы явно сходим с привычного ума и действуем как по чужой воле.

Все такие сумасшествия вполне доступны для лечения и убираются кресением. То есть выжигаются внутренним огнем, кресом, который омолаживает и возвращает к жизни. Но меня сейчас эти случаи не интересуют. Я рассказываю о них лишь затем, чтобы показать: их природа такова, что вы не можете им сопротивляться и сдерживаться, потому что на какое-то время вас втягивает в чужой ум. Бороться с этим несложно, но после того, как выходишь из этого состояния.

В этой работе меня интересуют те случаи, когда вы остаетесь в себе, видите, как на вас находит, все осознаете, боретесь, но не можете сдержаться, потому что нахлынувшее затопляет вас всецело и полностью захватывает. Как устроен такой вид помех?

Начну с простого описания происходящего, то есть с того, что с очевидностью наблюдаемо. Во-первых, все подобные приступы случаются, когда вас что-то возмущает. И это что-то вы рассматриваете как живое, думающее и имеющее волю, то есть совершающее поступки по выбору. Воля эта для вас чаще всего злая, хотя это вовсе не обязательно. Нахлынуть могут и добрые чувства. Просто плохое занимает нас больше и сильнее портит жизнь. А мы пока заняты убиением помех и возвращением жизненной силы. Воскресение – это именно возвращение своей жизненной силы.

Следовательно, мы можем говорить о том, что в этом явлении всегда есть Я и есть Некто, кто своими намеренными действиями вызывает мое возмущение. Обратите внимание: нас не возмущает плохая погода или ширина реки, которую надо переплыть. Они могут нас расстраивать, но возмущаться не на кого. Для возмущения нужна другая личность, которая намеренно мне мешает.

Намеренность эта, правда, особой природы. Допустим кто-то помешал вам, скажем, перебежав дорогу, так что вам пришлось резко тормозить или прилагать усилие. Вы возмущаетесь, хотя человек и не собирался вам вредить. Он всего лишь не подумал о вас. А мог бы! И вы возмущаетесь: этот идиот и вам мог бы навредить и сам бы получил повреждения от вас, хотя вы были бы совершенно не виноваты. Но этот сбой вашей жизни не должен был бы состояться, если бы тот человек дал себе труд думать.

Вот это определяет предмет нашего возмущения. Возмущение может вызывать только другой разум, действительный или предполагаемый. Более того, возмущаться способны только разумные существа. Животные не возмущаются. Они либо нападают, либо убегают. А вот приматы уже способны на возмущение.

Следовательно, для возмущения нужны два разума, взаимодействующие между собой с нарушением разумности. Звучит так, как если бы между людьми был заключен всеобщий договор соблюдать разумность всеми доступными нам силами. И нарушение его – предательство, за которое нам дано право наказывать.

Соответственно, и возмущаться может только разум. Но что при этом происходит? Помните знаменитое: кипит наш разум возмущенный? Разум, обнаружив сбой в работе другого разума, будто закипает, и в смертный бой вести готов. В смертный бой за что? За справедливость? Нет. За разумное устройство нашего мира! Очевидно, именно таким был исходный договор, когда нам прививали разумность.

Однако в разуме нечему кипеть, разум – это своего рода машина по использованию образов для достижения жизненных целей. Он не может кипеть, он может рассуждать, представлять, воображать, задавать вопросы и решать задачи. Он не кипит, он лишь пленка из образов, лежащая на поверхности сознания. Кипит под ней, но когда мы пытаемся разглядеть это кипение, оно доступно для восприятия только сквозь пленку разума. И потому кажется, что кипит сам разум.

Однако вспомните, что происходит, когда кипение все же прорывает эту пленку? Вас швыряет в смертный бой, то есть в совершенно неразумные действия. Разум может это сдерживать, разум может перевести кипение либо на что-то иное либо в управляемое состояние. Но кипение самостоятельно и не имеет отношения ни к работе разума, ни к Науке думать. Именно оно и является предметом сдерживания и целью обуздания.

Глава 12. Переживания

Не думаю, что есть психологический словарь, в котором можно найти статью о возмущении. Психофизиологическая психология не в силах осмыслить это явление на своем языке, то есть через условно-рефлекторную деятельность. Между тем вряд ли психология может стать полноценной наукой, если не поймет того, что правит человеческой жизнью.

Можно сказать и иначе: возмущение составляет изряднейшую часть нашей жизни. Возмущаться так же существенно, как думать, чувствовать, хотеть, помнить. Как пел когда-то Окуджава: наша жизнь то пальба, то гульба. Или в другой песенке: из чего же, из чего же, из чего же сделаны наши девчонки? Так вот наша жизнь сделана или состоит из нескольких внутренних действий, которые чередуются, заполняя собой наше внутренне пространство, то есть сознание.

При этом, надо признать, нам свойственно весьма неверно оценивать эти действия. К примеру, я произвольно поставил «думать» на первое место, поскольку разум для меня значим и кажется главным в человеке. Но это лишь предпочтение. А вот если мы посмотрим на подобные вещи статистически, а психология последние десятилетия любит статистику, то окажется, что львиную долю времени мы заняты не тем, что составляет разделы учебников психологии. Мне думается, что не менее девяти десятых времени бодрствования мы поглощены переживаниями. Возмущение вполне может быть вторым по объему состоянием нашего сознания. Хотя некоторые стойкие чувства могут соперничать с ним. Думание же посещает нас лишь краткими вспышками.

Последнее объясняется тем, что разум наш чрезвычайно хорош и быстр, а задачи, которые мы ставим перед собой по жизни, слишком легки. Мы просто не перегружаем его. Причем очень сильно не перегружаем. Соответственно, думать взрослому человеку, чья жизнь налажена, просто не о чем, а впустую разум работать не умеет.

Однако свято место пустым не бывает, и сознание, как только хозяин уходит, тут же заполняется переживаниями. Переживания – это, условно говоря, повторные проживания той же самой жизни, что у вас была, но была не слишком удачной. Благодаря ему мы находим лучшие решения жизненных задач и делаем себя совершенней. Но кто это делает, кто этот Я? Тот, кто плохо решал жизненные задачи до этого. А это всё тот же разум.

Следовательно, как только разум обнаруживает, что ему нечем заняться, он переключается на самосовершенствование. Самосовершенствование это условное: разум в действительности не меняет при этом свою природу. Он дотачивает те орудия, с помощью которых обеспечивает наше выживание. Иначе говоря, это внешнее совершенствование, которое между тем позволяет разуму высвободиться из задач выживания, собрав силу для главного. Если оно придет...

Самое главное в этом то, что переживание, если оно имеет в своей основе некую болезненность, может быть вязким и плохо выпускает из себя разум, когда появляются другие задачи. Поэтому от болезненной зависимости от переживаний надо избавиться. Делается это с помощью все того же кресения. Но вот когда ваши переживания стали чистым самосовершенствованием разума, они очень легко выпускают из себя, хотя бы для того же возмущения. Так что если вы хотите овладеть обузданием, необходимо сделать свои переживания легкими.

Повторю: основная жизнь нашего сознания, а значит и разума, проходит в переживаниях. Переживания – это среда, в которой мы живем и не можем не учитывать. Поэтому любая работа над собой просто должна начинаться с подготовки этой среды, ее освоения и устройства. И это вовсе не такая уж сложная работа, хотя может оказаться вполне трудоемкой.

Суть ее проста: вы наблюдаете за тем, чем обычно заняты, и поднимаете культуру своего самосознания. А затем, освоившись, отмечаете все случаи, когда с трудом вырывались из

переживаний для взаимодействия с жизнью. Во всех этих случаях в переживании обнаружится явная или скрытая болезненность, у которой была вполне определенная причина. Это и есть наш противник. Каждую такую причину стоит найти и устранить. И так до тех пор, пока ваши переживания не станут легкими, превратившись в своего рода гимнастику разума.

Глава 13. Возмущение

Я пока не в силах сказать, что такое возмущение, но оно обладает большой силой и может прорвать пленку даже тяжелых переживаний. Патологические переживания могут быть причиной действительных психических заболеваний, вроде маний, фобий, психозов или аутизма. И тогда возмущение, пробившееся сквозь переживания, оказывается целительным, оно возвращает человека к жизни и действительности.

Таким образом, возмущение – отнюдь не «отрицательная эмоция», как могли бы определить его психологические словари. Впрочем, словари вообще небрежны с этим понятием. Они предпочитают не давать действительного определения, чем выдают, что в действительности не понимают, что это такое. Так у Ожегова:

«Возмущение – сильный гнев, негодование». Соответственно:

«Гнев – чувство сильного возмущения, негодования» (Ожегов, 1949). Другие словари следуют в этом случае Ожегову.

Возмущение не есть гнев: нельзя ставить между ними знак равенства, поскольку так мы просто обедняем наш язык. Раз есть два имени, значит, народ видел и два явления. Возмущение и гнев должны чем-то различаться. Как и негодование. Кстати, чтобы это могло означать, кроме возмущения?

Вопрос не праздный, поскольку в негодовании скрыты какие-то подсказки. Слово это явно отделилось от исходного значения, потому что мы не можем себе представить, чем бы могло быть годование или как иначе мог бы вести себя негодующий, кроме как бегая, крича и размахивая руками. Словари объясняют его через то же возмущение и еще недовольство. Следовательно, негодование – это выражение недовольства. Довольство же вид удовлетворенности. Негодую, мы показываем, что нечто сделало нас неполным, лишило какой-то полноты, а с ней удовлетворения, поэтому единственное производное от негодования – негодный.

А вот для него возможно существование и без отрицания – годный. Тут и скрывается подсказка. Ты либо годен, либо не годен, очевидно, для дел и для жизни. И если в этом кто-то виноват, ты возмущаешься. Негодую, мы сердимся на тех, кто ухудшил нашу жизнь. Либо, кто предаст разум. В этом смысле негодование шире, чем возмущение. Что для меня значит, что возмущение, как некое внутреннее движение, является основой, из которой и вырастает негодование.

А что такое гнев? Не готов к глубокому исследованию прямо сейчас, но подозреваю, что это определенная ступень в развитии возмущения. Та ступень, когда ты готов перейти к действиям, то есть наказывать. Но зарождается возмущение без гнева. В гнев ему надо еще перейти.

Но что такое возмущение само по себе? Если исходить из языка, то оно явно связано со смущением, а значит, с мутью. Странно. Но объяснимо, если мы примем, что возмущение – это не слово, и даже не понятие, а имя явления, которое наблюдалось вживую. Как, к примеру, видим вспыльчивость, словно взметнувшееся облако пыли.

А что мы видим в той части себя, где можем наблюдать возмущение? Конечно, мало кому удастся достигнуть такой глубины самосознания. Однако если мы задумаемся, то станет очевидно: вначале, углубляясь внутренним взором в себя, мы созерцаем свой разум. Конечно, он может подменяться весьма разнообразными проявлениями, вроде мышления или переживаний. Но в основе все же разум.

И он как некая пленка, брошенная на наше сознание, значит, прикрывающая ту глубину, которой наше сознание распахнуто в мир. Где-то на другом конце сознания происходит восприятие этого мира, и оттуда поступают раздражители. Иногда они внешние, вроде поступков других людей. Иногда внутренние, вроде ощущения голода из тела или чувства любви из

души. Но все они должны вступать во взаимодействие с разумом, если мы хотим их использовать или перевести в действие. И что мы в таком случае видим в наблюдении?

Некое исходное состояние разума, которое нам кажется ясным в силу своей привычности. А затем, когда произошло взаимодействие с раздражителем, разум превращает его в задачу и принимается ее решать. И тогда мы видим разум в работе. Редкие мгновения!

Но случается, что разум не может решить задачу, в силу, скажем, противоречивости наших внутренних установок. К примеру, девушке очень хочется, чтобы гость обратил на нее внимание, но надо быть скромной и избегать мужчин. Он обращается к ней, может быть, делает ей комплимент, и она смущается. Это так привычно! Но что при этом происходит?

Разум не может решить противоречивую задачу однозначно, он создает два решения одновременно, они накладываются друг на друга, и прежняя ясность и прозрачность разума уходит. Он стал мутным. Девушка смутилась, ее рассудок помутился. Что значит, разум перестал обеспечивать человека средствами для действий.

Почти то же самое происходит и при возмущении. Нечто поднимается из глубин меня, проходя сквозь сознание, и воздействует на разум. Разум мутится или, как говорят, помутилось в голове. И если давление продолжается, разум отключается, уступая место тому, что поднялось из глубины. И теперь оно вместо разума. И оно действенно, как стихия или древние боги.

Получается, что возмущение – это совсем не то, что заставляет меня действовать. Это как раз то, что мешает действовать стихии, что пытается удержать ее хоть как-то управляемой, хотя бы высказать ее в словах.

Возмущение – это следующая ступень сдержанности. А значит, искусство, близкое к обузданию. Им нельзя пренебрегать – его надо освоить, как еще одно искусство древнейшей йоги, сопоставимое с тапасом Вед или Топухом мазыков.

Глава 14. Возмущение и сдержанность

Сдержанность никак не может относиться к возмущению. Нельзя сдерживать мутность разума, хотя разум можно приводить в порядок, убирая муть и восстанавливая его работу. Но это не сдержанность.

А возмущение – это имя и для расстройства разума и для причины этого расстройства. Но если мы представим себе возмущение образно и увидим его как пленку разума, которую пытается прорвать некая сила, то примем, что возмущение сдерживает эту силу. Сила рвется сквозь разум, разум мутится, но держит. Так что точнее было бы посчитать возмущение одним из состояний разума, а именно таким, в котором разум, как действительная пленка, растягивается, мутится, но держит давление.

При таком взгляде в русском языке появляется возможность для еще одной языковой игры. Когда мы говорим привычное: я чувствую, как рвется возмущение, – что мы имеем в виду? Что набухает некий пузырь, который вы не можете удержать? Или что некая пленка готова разорваться? При первом выборе мы имеем в виду то, что набухает под пленкой. При втором – саму пленку. Если мы хотим пройти дальше, нам придется избрать второй вариант, потому что возмущение не пытается вырваться.

Что же происходит при возмущении и что при сдержанности? Нам не ответить на этот вопрос, не описав участие разума в происходящем. А он не просто замешан – он тут главный. Вспомним, как начинается возмущение? Это довольно трудный предмет для самоосознавания. Возмущение захватывает и отбирает способность наблюдать за собой. Именно когда приходит возмущение, это особенно трудно. Тем не менее осознание происходит, и при определенных усилиях мы можем восстановить все. Поэтому вспомните, с чего начинается возмущение и последующая борьба с ним.

Они не начинаются просто так или ни с чего. Язык отчетливо показывает, что у возмущения всегда есть причина. Мы всегда возмущаемся на кого-то или на что-то. Но это «что-то» обязательно принадлежит кому-то. К примеру, нас возмущает чья-то наглость, хитрость, жестокость, бездушность, невнимательность, самовлюбленность... Иными словами, для возмущения нужен другой человек. Но не как таковой – человек сам по себе нас не возмущает. Даже наоборот. Нас возмущают некие отклонения от ожидаемого, как от своеобразного исходного Образа Человека. Как если бы мы все были приобщены к Творению или где-то в мировом пространстве духовных миров этот Образ доступен нам для сличения в любой миг.

Что же получается? При виде изначального Образа человека, воплощенного в другом человеке, мы спокойны и дееспособны. Значит, вид правильного Образа переводит меня в разумное состояние либо мой разум в рабочее состояние. И это считается сутью и смыслом существования человека разумного – просто быть разумным как можно дольше, лучше – всегда. На искажения чужого Образа, что означает, Образа разума в другом человеке, мы возмущаемся.

Но если мы не забыли, что возмущение – это замутнение или искажение разума, значит, неверная работа другого разума воздействует на мой и искажает его. Очевидно, это происходит не всегда и не просто так. Для передачи такого воздействия чужой разум должен вступить с моим во взаимодействие. Именно взаимодействие вскрывает мой разум для чужого и оказывается передающей средой для искажений.

Надо однако отметить, что не все подобные взаимодействия бывают прямыми. Иногда мы способны возмущаться человеком, который к нам напрямую не обращается. И даже киногерой может нас страшно возмущать. Думается, тут все же имеется перенос происходящего на себя. В психологии это называется эмпатией, то есть вчувствованием, хотя было бы лучше назвать

это сопереживанием. Иначе говоря, мы проживаем подобные взаимодействия в предчувствии, и этого достаточно для возмущения.

Что же происходит при возмутительных проявлениях искажающего воздействия? Мы как бы подвергаемся нападению которое имеет целью исказить наш разум. Как это делается? Человек вынуждает меня отвечать своими действиями на поступки, не соответствующие Образу разумности. Тем самым я вынужден сломать свой разум ради другого человека. Это ощущается недопустимым, как трещины на обшивке корабля. Трещина – это смерть. Особенно если корабль космический. Ее нужно немедленно закрыть и заварить.

И вот включается аварийная система корабля и начинается срочная починка. Сначала трещина запечатывается пленкой, а затем заваривается потоком огня. Вот такая метафора.

Итак, воздействие на меня, прямое или отдаленное, но угрожающее потерей Человеческого Образа, рассматривается разумом как угроза выживанию. Разум распознает ее причину как нарушение разумности и вызывает огонь, который должен залатать дыры в моем корпусе, а заодно починить и разум Иного. Таким образом, мы поддерживаем исходно обязательный уровень разумности, заданный человечеству.

Если воздействие оценивается как чрезмерное или ненужное, мы его сдерживаем. Конечно, это делает все тот же разум.

Глава 15. Сдержанность

Словари русского языка не имеют действительного понимания сдержанности, но дают несколько чудесных подсказок. Например, сдержанный – это владеющий собой. Или ровный, без резкостей. А сдержанное выступление, сдержанные оценки – это высказывания, избегающие крайностей. Исходя из этого, можно посчитать нашу сдержанность идеалом конфуцианства – срединным путем, одинаково удаленным от всех крайностей мира.

Приведенные примеры показывают, что сдержанность как понятие проделала немалый путь в своем развитии и уже превратилась в некую черту общественного поведения. Однако исходно сдержанность – явление глубоко личное, даже глубинное и внутреннее. По сути она даже не всегда относится к взаимоотношениям с другими людьми, поскольку применяется для погашения любых порывов, не только направленных против разума. Например, оказавшись где-нибудь в походе перед выбором перепрыгивать через пропасть или идти в обход, вы не можете испытать возмущения, но вполне можете возбудить в себе порыв прыгнуть. И либо прыгните, либо сдержитесь.

Что вы при этом будете ощущать и сделаете? Ощущения эти всем знакомы. Вы глядите на задачу, стоящую перед вами, и ощущаете, что она вас как-то пугает. Прыгнуть через пропасть, войти в холодную реку, выхватить уголь из костра, перебежать дорогу перед машиной – это действительно опасно для жизни. Точнее, для тела – физического тела. Но и высунуться со своим высказыванием на глазах у людей тоже ощущается опасным. Только это опасность не для тела, а для личности. Ощущение опасности – обязательная составляющая сдержанности.

Однако такой же обязательной составляющей является и наличие задачи, которую можно решить одним сильным движением. Раз появились задачи, значит, речь идет о работе разума. И мы с очевидностью видим, что вначале разум оказывается перед задачей, которую совсем не просто решить. Но явно находит решение, в котором, однако, сомневается. Это решение заманчиво, так что разум создает образ действия, ведущий к победе. Но когда начинает прикладывать его к действительности, понимает, что на деле решение может и не состояться. И тогда он отменяет его.

Это вкратце. А если заглянуть поглубже, то мы обнаружим, что создав решение, человек не просто оценивает его с точки зрения действительности. Он вводит себя в состояние готовности, собирая необходимую для рывка силу. И какое-то время пребывает в состоянии готовности к действию, как бы примеряя к действительности не образ действия, а количество сил, которые может вложить в воплощение этого образа.

В эти мгновения он производит либо переоценку своих возможностей, либо переоценку действительных затрат. К примеру, если речь идет о том, как выступить публично, то сначала мы смотрим только на себя: смогу ли я выступить. И когда убеждаемся, что сможем, то собираемся с духом – так этот сбор сил называется в подобных делах. Но, собравшись, мы расширяем объем оцениваемого образа. Теперь кроме возможности выступить мы смотрим и на последствия. Сможем ли мы перенести, скажем, неудачу, случись она. Или выдержать насмешки и каверзные вопросы. И отказываемся от решения.

Отказавшись, мы как бы расслабляемся, что в действительности означает не убирание напряженностей, а снятие с тела образа действия, державшего мышцы в готовности к необходимым движениям. Вместе с расслаблением мышц отступает и та сила, которую мы подтянули к некой своей поверхности, чтобы использовать. Однако расслабление позволяет еще раз задаться вопросом – удалось ли бы справиться с задачей? И мы снова видим, что победа возможна. Тут же возвращается образ действия, с ним подтягивается необходимая сила, мышцы переводятся в боевую готовность и так может повторяться много раз.

Мы неоднократно испытывали эти состояния и прекрасно осознаем, когда придерживаем рвущееся из себя движение, а значит, сдерживаем силу, которая готова запустить это движение. Как мы это делаем?

Есть искушение посчитать, что неким разумным решением. Однако опыт проживания подобных состояний у нас настолько велик, что обмануть себя трудно. И мы вполне можем опробовать это на себе прямо сейчас, чтобы восстановить ощущения. Просто представьте, что прямо сейчас возьмете и прыгните с того места, где читаете эту книгу. И почувствуете, как нечто в вашем животе и во всем теле пришло в готовность. И только одно решение...

Решение это должен принять разум. Это верно. Но то, что придерживает силу в животе, совершенно иной природы. Оно подобно руке, которая накладывает ладонь на клубы силы сверху и замирает, обратив взор на хозяина: ну, так прыгаем?

Это не разумная часть нашей природы, но вполне управляемая разумом и очень ему послушная. Таким образом сдержанность – это не моральное качество строителя коммунизма, а часть некоего устройства или тонкого состава человека.

Глава 16. Тонкий состав

Естественнонаучная гипотеза, предполагающая, что в мире и человеке нет ничего, кроме вещества и энергии, чрезвычайно соблазнительна своей простотой и общедоступностью. Для того чтобы видеть Бога, нужно делать усилие, к тому же постоянное. Чтобы видеть вещество, усилие не требуется. Чем больше лишнего мы отбрасываем, объявив его несуществующим, тем проще мир и легче жить.

К тому же Боги все равно не вмешиваются в жизнь отдельного человека, поэтому, веришь ты или не веришь, в мире ничего не меняется.

В итоге мы живем в мире простых парней и гордимся своей простотой. А древние гордились тем, что были непрысты и могли понимать сложные вещи. Для сытой жизни это совершенно не обязательно, но как раз сытость и не была ценностью для тех людей. Их вели и заставляли действовать совсем иные голод и жажда. Когда ты ищешь бессмертия, твое тело должно строить себя из стихий, чтобы стать бессмертным, стихиями нельзя овладеть с помощью физиологии и пищеварения. Для них требуется совсем иное тело.

Все великие народы, хранившие тайные знания, несли как величайшую тайну знание именно о бессмертном теле, сотканном из стихий. Иное его имя – тонкое тело, или, по-русски, тонкий состав. Наши современные понятия складываются наполовину из йогических намеков, подпорченных теософией и агни-йогой, наполовину из энергетизма, выдающего себя за порождение современной физики. Все это по большей части мифология. Но мифология стойкая, потому искажает она некую действительность. А значит, ее и отражает.

Мифология сама по себе не плоха, если только ее не принимать на веру, не считать действительностью, а использовать как иносказание, намек на что-то, что словами высказать не удастся или необходимо скрыть от непосвященного. Но все намеки нужны лишь для того, чтобы однажды открыть настоящее. Их основная задача – не рассказывать о мире, а вселять надежду. Надежда же эта проста: если мы правильно выстроим эксперименты и приложим достаточно усилий, скрытое и даже сокровенное однажды должно открыться нашему наблюдению.

И вот мы приложили усилие понимания к тому, чтобы понять, как происходит возмущение и сдерживание, и с очевидностью понимаем: эти слова скрывают за собой понятия о чем-то, что выходит за рамки разума и даже не имеет в нем образов для своего описания. Но при этом, если четко определиться со всеми используемыми понятиями, то обнаруживаешь, что они не покрывают всего, что оказалось доступно наблюдению. Под пленкой образов и понятий, в безымянной глубине сознания, встречаются и противодействуют какие-то силы, которым нет имени. Но мы их, оказывается, все время чувствуем, видим и даже умеем использовать!

Так тонкий состав становится частью моей действительности. И так его можно выявить в любом месте, где находишь определенное количество разумных понятий о своем устройстве. Надо лишь приложить достаточное усилие понимания, и образная пленка разума прорвется при возмущении, и из-под нее вынырнет нечто древнее, глубинное и не имеющее никакого отношения к веществу и физиологии. К тому же от него всегда слегка пахнет бессмертием и разит потерей спокойной и сытой жизни...

О своем тонком составе можно подозревать или догадываться, но о нем нельзя знать. Он не должен превращаться в предмет знания: любой кусочек знания о нем, приходя к тебе, должен настолько потрясать, взрывая все твое естество, что ты тут же становишься им. Мысль не такая уж прозрачная, поскольку мы привыкли жить, нет, существовать иначе. Но взгляните: есть вещи невозможные одновременно, как нельзя, к примеру, думать сразу о двух вещах –

только по очереди. Так и с этими вещами: они не вместе, они или – или. В прекрасном и яростном мире тонкого состава нельзя знать и быть. Можно лишь или знать, или быть.

Ты либо знаешь о тонком составе и можешь о нем рассказывать, либо ты уже Это и так живешь, стремительно уносясь в бессмертие.

Что именно может входить в тонкий состав человека?

Самый простой ответ: все, кроме тели, то есть физического тела. Но что именно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.